

— Госпожа... — Цинь Цзычу невольно опустил взгляд на её огромный, сильно округлившийся живот. В его глазах промелькнуло замешательство.

Чжао Цзи, тяжело дыша, одной рукой придерживала живот, а другой опиралась на низкий столик. Двум служанкам пришлось изрядно потрудиться, поддерживая её сзади, чтобы она тяжело и неуклюже села. Оказавшись за столом, женщина поспешно подняла ладонь, стараясь прикрыть лицо.

В первые три месяца беременность почти не давала о себе знать, но стоило животу округлиться, как некогда безупречная, нежная кожа покрылась россыпью желтовато-бурых пигментных пятен, слившихся на скулах в сплошные некрасивые бляшки. Ей самой было противно смотреть на своё отражение.

Особенно тяжело было от мысли, что вокруг Цинь Цзычу по-прежнему порхали молодые, прекрасные словно весенние цветы служанки. И пусть муж всякий раз смотрел на неё с неизменной нежностью и теплотой, Чжао Цзи упрямо прятала лицо. Ей не хотелось, чтобы он видел её увядающую красоту.

Тяжело ступая, она подошла к мужу. Цинь Цзычу тут же заботливо придержал её под поясницу. От этого бережного, ласкового жеста тучи на лице Чжао Цзи рассеялись, уступив место довольной улыбке.

— Господин, вы хотели о чём-то меня попросить? — негромко спросила она.

Цинь Цзычу опустил взгляд на её живот, и выражение его лица стало ещё более сложным и противоречивым.

Удобный момент для побега не выбирают по своему желанию. Шанс спастись мимолётен, и если упустить его сейчас, другого пути на свободу уже не представится.

Но Чжао Цзи сейчас без посторонней помощи не могла даже встать со стула. Бежать с ней пешком — чистой воды безумие, нелепая фантазия.

Не отвечая прямо, Цинь Цзычу повернулся к служанкам и повелительно взмахнул рукой:

— Ступайте. Мне нужно поговорить с супругой наедине.

Девушки понимающе переглянулись и заулыбались. Смущённо пряча лица в широких рукавах, они, шутливо подталкивая друг друга, гурьбой высыпали из покоев. Чжао Цзи густо покраснела — в душе её смешались стыдливая неловкость и тихая гордость.

Когда за ними закрылась дверь, Цинь Цзычу повёл жену медленным шагом по комнате, поддерживая под локоть, и заговорил вкрадчивым шепотом:

— Сделай так: позови сегодня мать к себе в покои и вели ей собрать самые ценные вещи и деньги. Но учти — с собой мы сможем взять лишь один узел, от всего остального придётся отказаться, иначе стража и слуги почуют неладное. Вчера Великий наставник передал мне весть: циньские войска наступают на Чжао. Ханьдань со дня на день закроют. Мы обязаны бежать немедленно, на кону наши жизни.

Лицо Чжао Цзи мгновенно побелело. Она испуганно прижала ладонь к животу и пролепетала в оцепенении:

— За эти годы я успела вкусить богатой жизни и без сожаления расстанусь с золотом и жемчугом... Но ведь мне скоро рожать! Как же ребёнок? Вдруг с ним что-то случится в дороге?

По её бледным щекам покатались горькие слёзы.

Она судорожно вцепилась в ладонь Цинь Цзычу, так что острые ногти больно впились ему в кожу. В её взгляде сквозило отчаяние утопающего, ухватившегося за соломинку. Она безмолвно молила о пощаде, надеясь услышать от мужа твёрдое обещание, что всё обойдётся.

Почувствовав острую боль в ладони, Цинь Цзычу на мгновение заколебался.

Но, совладав с собой, он сурово проговорил, взвешивая каждое слово:

— С нами поедет Божественный лекарь Вэй. Больше никого брать нельзя — только ты, я, твоя мать и он. Твоя мать женщина опытная, сама рожала и тебе помочь сумеет. Лекарь Вэй искусен в женских недугах, он знает, как уберечь тебя от опасностей при родах. Да, я не могу дать тебе вечную клятву, что с ребёнком ничего не случится в дороге. Но если мы останемся — погибнем все. Когда циньское войско обложит Ханьдань, правитель Чжао первым делом прикажет казнить нас, чтобы окропить знамёна нашей кровью. Тогда не выживет ни младенец, ни ты сама.

Лицо Чжао Цзи сделалось мертвенно-бледным. Она принялась медленно, дрожащей ладонью поглаживать свой огромный живот.

К изумлению Цинь Цзычу, её колебания мгновенно рассеялись. Она решительно кивнула и твердо произнесла:

— Я сейчас же позову матушку собирать вещи.

Цинь Цзычу посмотрел на неё со странным, горьким чувством. Натянув дежурную улыбку, он прошептал:

— Завтра на рассвете человек, подкупленный Великим наставником, приоткроет западную калитку. У входа нас будет ждать повозка, на ней мы сразу устремимся к городским воротам.

Поторопись с приготовлениями.

Закончив разговор, Цинь Цзычу развернулся и вышел.

В глубине души он невольно вздохнул, признаваясь себе в горьком разочаровании.

Он искренне желал, чтобы дитя в утробе Чжао Цзи было его собственным плодом. Глупо отрицать, что за месяцы совместной жизни он не привязался к ней, однако сейчас женщина одним махом разрушила едва зародившуюся близость.

Мало ли какие красивые речи слетают с её уст — судить о человеке надобно по его поступкам.

«На самом деле ей просто жаль расставаться с праздной и богатой жизнью в резиденции заложника. И собственная шкура для неё куда важнее здоровья нерождённого ребёнка, иначе она бы так легко не согласилась рисковать им»

На самом деле, сгущая краски, Цинь Цзычу не просто излагал факты — он сознательно испытывал её.

Если бы Чжао Цзи наотрез отказалась бежать, сославшись на заботу о ребёнке, он мог бы через Чжан Ли укрыть её в глухих лесах неподалеку от Ханьдани. Там они переждали бы осаду, дождались прихода циньского войска, а после переправили бы его родовую нефритовую подвеску в лагерь соотечественников.

В таком случае их безопасность тоже была бы гарантирована, но для Бога войны Бай Ци, дорожившего каждой минутой, подобная заминка оказалась бы некстати. Находясь на передовой, генералы ни за что не решились бы отправить знатного заложника обратно в Цинь посреди сражения — такое поспешное бегство походило бы на дезертирство, что подкосило бы боевой дух солдат.

Однако стоило Чжао Цзи почуять, что промедление грозит лично её шкуре, как все сомнения улетучились с поразительной быстротой.

Оставалось лишь диву даваться, с какой легкостью эта женщина меняет личины.

Цинь Цзычу поднял взор к безоблачному небу и тихо, с горечью усмехнулся, проклиная собственную глупость.

Как он мог надеяться отыскать нежность, кротость и материнское тепло в женщине, которая, согласно историческим хроникам, в будущем сговорится с любовником ради убийства собственного сына?

В этом чужом, суровом мире у него по-прежнему не было ни единой живой души, способной его понять.

Неторопливо вернувшись в свои покои, он достал пару ярких шелковых халатов и туго свернул их в дорожный узел. Затем разорвал старое чёрное одеяние и плотно обмотал лоскутами запястье.

Взяв бамбуковый свиток, он сделал вид, что погрузился в чтение, хотя мысли его давно витали за тысячи ли отсюда.

Весь день он держался безупречно, ни единым жестом не выдав волнения. Дождавшись сумерек, он спрятал узел с вещами в постельные принадлежности и перебрался в спальню к жене.

Увы, Чжао Цзи не обладала его хладнокровием. С тех пор как она узнала о скором бегстве, её поведение сделалось настолько нервным, что только слепец не обратил бы внимания на её суету. Обе приставленные к ней служанки уже начали переглядываться, подозревая неладное.

Переступив порог, Цинь Цзычу мигом почувал натянутую атмосферу. Напустив на себя глуповатый и смущённый вид, он заискивающе улыбнулся служанкам, а сам принялся жадно пожирать глазами Чжао Цзи, изображая истомившегося от страсти супруга.

— Так вот почему хозяйка весь день места себе не находила! Ждала господина, — прыснула в кулак старшая служанка, стоило ей увидеть Цинь Цзычу с ворохом постельного белья в руках.

Вторая девушка, стоявшая рядом, тут же подхватила шутку, лукаво подмигнув подруге.

— Раз уж вы видите, что ваш покорный слуга пришёл к своей супруге, неужто собираетесь остаться и разделить с нами ложе? — шутливо поклонился им Цинь Цзычу.

Хотя девушки были ещё не замужем, они прекрасно поняли недвусмысленный намёк. Густо покраснев, обе служанки вихрем вылетели из покоев и больше носа туда не показывали.

Убедившись, что шаги за дверью затихли, Цинь Цзычу мгновенно стёр с лица весёлую мину.

«Какое счастье, что я решил заночевать здесь. Если бы не моя бдительность, эта дура выдала бы нас с головой ещё до захода солнца, и вся затея с побегом пошла бы прахом»

Чжао Цзи, заметив, что они наконец одни, судорожно вцепилась в его руку. От страха и паники она сжимала пальцы столь неистово, что на тыльной стороне ладони Цинь Цзычу тут же проступили багровые кровоподтёки.

— Не бойся, моя хорошая. Ложись, я побуду рядом и поберегу твой сон. Когда наступит час, я сам тебя разбужу, — мягко проговорил он, усаживаясь на циновку и принимаясь легонько похлопывать её по спине.

Измученная тревогой Чжао Цзи поначалу и думать не могла о сне, но мерные, убаюкивающие прикосновения мужа действовали волшебным образом. На поздних сроках беременности её и так изводила жестокая бессонница, тело ломило от вечной усталости, поэтому вскоре веки её отяжелели, и она погрузилась в глубокий сон.

Чжао Сун-ши оказалась куда практичнее своей дочери.

До этого момента она тихо сидела в самом тёмном углу спальни. Убедившись, что дочь крепко спит, пожилая женщина бесшумно подошла к Цинь Цзычу и сгрузила перед ним целую гору объёмистых узлов. При виде этих тюков брови юноши сошлись на переносице.

— Зачем вы натащили столько хлама? — прошипел он. Голос его звучал тихо, но в нём отчётливо вибрировала ярость.

С тех пор как Чжао Сун-ши родила дочь, чиновник Чжао потерял к ней всякий интерес. Долгие годы она прозябала в нищете и лишениях, до дрожи боясь возвращения былых невзгод. Поэтому, когда Чжао Цзи велела ей собрать ценности, женщина принялась жадно хватать всё подряд. В итоге у неё получилась внушительная гора узлов.

Уловив раздражение зятя, она виновато заулыбалась, но упрямо пробормотала:

— Всё это добротные вещи, в будущем пригодятся. Негоже бросать.

Цинь Цзычу презрительно усмехнулся. Окинув издевательским взглядом комнату, он язвительно заметил:

— Шёлковые занавеси на окнах тоже весьма недурны. Отчего же вы их не срезали и не запихали в мешок, матушка?

Лицо Чжао Сун-ши вспыхнуло от стыда. Насупившись, она принялась торопливо развязывать один из узлов и с обидой в голосе проворчала:

— Коли так, пусть господин сам решает, что нам оставить!

Цинь Цзычу опустил взгляд на раскрытые мешки, морщась всё сильнее с каждым мгновением.

Наконец он не выдержал и зашипел сквозь зубы:

— Оставьте только драгоценности Чжао Цзи. Каждой из вас — по два сменных платья, не больше. Всё остальное — на помойку! Вы бы ещё старые подмётки с собой потащили. До чего же нелепая бережливость!

Женщина обиженно заворчала под нос, но спорить не решилась — слишком хорошо понимала, что их спасение целиком зависит от зятя. Нехотя она вытряхнула большую часть вещей, но упрямство всё же взяло верх: тайком от Цинь Цзычу она умудрилась припрятать несколько громоздких свёртков.

Заметив её уловки, Цинь Цзычу равнодушно обронил:

— Раз уж вам так дороги эти узлы, матушка, извольте тащить их на собственном горбу.

От этих слов щёки Чжао Сун-ши вновь запылали. Разумеется, у неё не хватило бы сил нести подобную тяжесть.

Она вела суровую жизнь лишь в ранней юности, а с тех пор, как её приметил чиновник Чжао, никогда не знала голода и смертельной опасности. К тому же в резиденции заложника Цинь Цзычу проявлял к ним исключительную заботу, потакая любым капризам дочери. Это усыпило бдительность Чжао Сун-ши. Она вообразила, будто зять — мягкотелый простак, которого можно использовать как вьючное животное, и рассчитывала переложить на его плечи всю поклажу.

Глупая женщина совершенно позабыла, что они бегут ради спасения собственных жизней, а не отправляются на увеселительную прогулку!

Между ними повисло тяжёлое, натянутое молчание. Когда время подошло к заветному часу, испуганная Чжао Сун-ши, боясь остаться позади, осторожно потрясла дочь за плечо:

— Доченька, пора. Поднимайся.

Чжао Цзи, чья дрёма была тревожной и чуткой, к тому же спавшая не раздеваясь, мгновенно открыла глаза и поднялась.

Они бесшумно, стараясь не скрипеть половицами, прокрались к боковому выходу. Как и обещал Цинь Цзычу, калитка оказалась приоткрыта, а караульного и след простыл. За воротами их поджидала повозка, в которой уже сидел Божественный лекарь Вэй.

Слуги Люй Бувэя расторопно затащили Чжао Цзи и её мать в крытую телегу, следовавшую позади. Самого же Цинь Цзычу великий торговец лично пригласил в свой экипаж.

— У ворот ввели строгий досмотр. Прошу вас, господин, накиньте это платье ради маскировки, — с этими словами Люй Бувэй развернул просторное женское платье.

<http://bllate.org/book/18277/1750280>